

18+

РУСИЧИ

Византия

Вячеслав Марченков

Вячеслав Марченко

**Русичи Византия.
цикл Древний мир**

«Издательские решения»

Марченков В.

Русичи Византия. цикл Древний мир / В. Марченков —
«Издательские решения»,

Заключительная история трилогии о древней Руси. К середине девятого века в восточнославянских землях сложились четырнадцать племенных союзов. Это были военизированные образования, постоянно вступающие в конфликты друг с другом. В это время на Русь участились набеги хазар, подстрекаемые императором сидевшем в Константинополе. И Русичам пришлось обратиться за помощью к Новгородскому Князю Бравлину, который, объединив разрозненные славянские племена, бросил вызов могущественной Римской империи.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Русичи Византия цикл Древний мир

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-3245-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как бы ни были сильны народные традиции, под влиянием новой религии или в связи с изменением жизни многие из них перестали существовать. Историки восстанавливают их из различных источников, стараясь по крупицам воссоздать жизнь древних славянских народов. Конечно, обычаи сильно отличались на разных территориях и у разных племен. Но большинство из них связано с поклонением богам, символизирующим силы природы. Также они имели прямую зависимость от времени года, которое циклично делилось на период сева, созревания и сбора урожая.

Так, большинство сельскохозяйственных праздников представляли собой песни, пляски и приношения даров богам солнца, дождя, ветра. Этим старались призвать ту погоду, которая поможет получить богатый урожай. После сбора урожая начинались гулянья, связанные с продолжением рода. В наши дни они называются свадебными. Обряды представляли собой гулянья жителей соседних селений, которые часто заканчивались похищением или выкупом девушек. Как таковых свадеб в древние времена не было, а мужчина мог иметь по две-три жены.

Древнерусские традиции плотно вплетаются в православную культуру. Так, масленица — одно из самых любимых народных гуляний у славян. В дни масленичной недели люди пекут блины, символизирующие собой солнце. Тем самым они приближают приход весны и теплых дней. Праздник обязательно заканчивается сжиганием чучела. Этот ритуал призван прогнать зиму и морозы. Наши древние предки воспевали в этот день Ярило, бога солнца. Считалось, что, съедая блин, человек вкушает кусочек солнечного тепла. В христианской традиции этот праздник называется Сырной седмицей и завершается началом Великого поста. С днем летнего солнцестояния у славян был связан праздник, также посвященный богу солнца. До наших дней он дошел под названием Иван Купала. По традиции в этот день для очищения люди прыгали через костры и купались в реках. Девушки плели венки из трав и пускали их по воде, чтобы найти своего суженного. Церковь приурочила эту традицию к Рождеству Ивана Предтечи, а купание стало символизировать обряд крещения.

Глава 1

Херсонес встретил Бравлина всеобщим ликованием жителей и умеренным осенним теплом, которое, казалось, само по себе было знаком доброй судьбы. Воздух пах солью, смолой и дымом костров, а небо, высокое и прозрачное, словно специально расчистилось от туч, чтобы впустить в город последние щедрые лучи солнца. Волны лениво лизали пристань, выстукивая ровный, торжественный ритм, будто и сама природа хотела подчеркнуть важность этого дня.

На берегу теснились люди: ремесленники в грубых холщовых рубахах, купцы в плащах с меховой оторочкой, женщины в расшитых понёвах, сжимавшие в руках венки из поздних трав. Дети сновали между взрослыми, вытягивая шеи, чтобы разглядеть князя, о котором в Херсонесе шептались ещё с прошлой весны, когда его дружина ушла в дальний поход. И вот теперь он вернулся — не просто живым, а с победой, с новыми союзниками, с именем, что теперь звучало на берегах не только Днепра, но и дальше, за пределами знакомых земель.

Среди тысяч лиц, слившихся в одно взволнованное, радостное море, Бравлин сразу увидел Ярину. Она стояла чуть в стороне, не смешивая свой тихий свет с общей суетой, словно берегла его для того, кому он был предназначен. На ней было простое платье, но расшитый пояс и венки из сухоцветов делали её самой заметной среди всех женщин на пристани. Когда их взгляды встретились, сердце Бравлина дрогнуло, а потом запульсировало так сильно, что, казалось, весь город мог услышать этот стук. Словно скупые солнечные лучи проникли куда-то глубоко внутрь, затронув там самые тайные уголки человеческой души, наполнив мужчину необыкновенным счастьем встречи с желанной ему девушкой.

Выйдя из ладьи и обняв верных друзей — в лице воеводы Велимира с бывшим купцом Баженом, встречавших дружину в первых рядах горожан, — он лишь перекинулся с ними несколькими словами. В глазах Велимира читалась не просто радость, а облегчение: князь вернулся целым, а значит, и земля могла спать спокойнее. Бажен же улыбался широко, по-свойски, будто сам приложил руку к этому возвращению.

— Рады видеть тебя, Княже, в добром здравии! — радостно пропели поочерёдно в крепких объятиях товарищи.

Бравлин, отвечая на объятия, вдруг почувствовал, как с плеч будто свалился тяжёлый груз — груз ответственности, сомнений, долгих ночей у костра, когда он думал о том, вернётся ли вообще когда-нибудь сюда, в этот город, к этим людям. Но сейчас было не время для долгих разговоров.

Указывая рукой на Варгана, он широко улыбнулся и вымолвил:

— Встречайте, братцы, доброе пополнение! Ныне и кривичи с нами!

Дружинники, стоявшие рядом, одобрительно загудели, кто-то хлопнул Варгана по плечу, кто-то уже начал расспрашивать о дороге, о стычках, о том, что видели в чужих землях. Но Бравлин, оставив их наедине с новостями, тотчас ринулся к стоявшей в стороне красавице.

Ярина не отводила взгляда. Она следила за тем, как её любимый продирается сквозь толпу, и в груди у неё всё сжималось от волнения, смешанного с радостью. В её глазах читалось и ожидание, и страх: а вдруг он изменился в походе, стал жёстче, холоднее, забыл её среди битв и тревог? Но стоило ему приблизиться, как все сомнения рассыпались, словно сухие листья под ветром.

Приблизившись к ней, Бравлин по старинному обычаю поклонился Ярине в пояс, и громко, так, чтобы слышал его слова честной люд, воскликнул:

— Ярина! Если твоё сердце отягощено данными тобой обязательствами в верности другому молодцу, или, может, я нелюб тебе, скажи мне прямо, пусть русичи узнают и слышат правду из уст твоих, потому как намерения мои чисты и искренни. Ибо я грежу мыслями и живу надеждой о твоём согласии стать моей спутницей на длань, отведённую нам Перуном!

Верь слову моему: не отзовётся злом во мне, ежели твой ответ будет иным, чем желаю я. Не стану обременять я своими мыслями честное имя твоё, потому как лишь добром вершится счастье между славным богатырём русским и хозяйкой двора его! А ежели ты согласна будешь, разреши молодцу поклониться в ноги отцу твоему, братцу кровному или другим близким тебе людям, дабы вопрошать от них разрешения для жизни нашей общей. И в том я буду честен: коли рады будут видеть они меня в родне своей славной, не откажут в прихоти моей низкой, буду вовек тебе славным я мужем тогда!

Над пристанью тут же повисла нервная тишина. Никто не решался в такой ответственный момент даже кашлянуть, не то чтобы произнести слово. Даже чайки, будто понимая важность мгновения, на мгновение смолкли, лишь изредка вскрикивая где-то над волнами. В возникшем молчании слышался лишь плёс великого Днепра да редкие, осторожные вздохи людей, замерших в ожидании.

Ярина, справившись наконец с возникшим по такому случаю волнением, собралась с мыслями. Её пальцы слегка дрожали, но голос, когда она заговорила, прозвучал твёрдо и чисто, как звон серебряного колокольчика:

— Пусть Перун обрушит на меня свой гнев небесный, коли стану я слова неверные говорить перед вами, народ Херсонесский, и вы, дружинники brave! Потому как свободна я от обязательств, данных мною кому-то от рождения до сего дня. Не боюсь я молвить и тебе, Князь Новгородский, потому как люб ты сердцу моему безмерно. Вместе будем мы спину гнуть перед братцем моим Далимыслом, богатырём радимичским, да отцом, ныне правящим воеводой в землях отеческих, ратуя о прощении и убеждая их на согласие стать нам верными супругами, ладными друг другу.

Девушка низко поклонилась Бравлину, и тот, взяв её за руку — осторожно, будто боялся спугнуть это хрупкое счастье, — повёл к пристани, где стоял брат. Толпа, зачарованная таким признанием, будто волна расступалась перед ними, воодушевлённо провожая молодых людей одобряющими взглядами, тихими перешёптываниями и счастливыми улыбками.

Остановившись напротив Далимысла, Князь с Яриной вновь поклонились родственнику. Лицо молодого тысяцкого было бледным, глаза расширенными, будто он всё ещё не мог поверить в происходящее. Он сжимал и разжимал кулаки, словно пытался найти в себе слова, но они не шли.

Тогда Бравлин вытащил из сапога плетё и, подавая её тысячнику, нарочито громко проговорил:

— Ты был мне другом, Далимысл! Стань теперь родным братом! Коли был не прав в чём-то перед тобой или обидел недобрым словом, огрей меня больно! Потому как любя мне твоя сестра, и я ей! О том говорим честно!

Однако тот, видимо онемев от происходящего, не смог вымолвить в ответ ни слова. Тогда в дело вмешался Бажен, стоявший поблизости. Вовремя подскочив к тысячнику, он достаточно жёстко одёрнул его, шепнув на ушко:

— Не стой колом! Князь просит твоего разрешения! Скажи что-нибудь!

Молодой человек на некоторое время пришёл в себя и невнятно промолвил, отодвинув в сторону протянутую ему плетё:

— Нет в моём сердце, Бравлин, на тебя обиды! А на правах единственного родственника этой дивчины прилюдно молвлю: будь по-вашему! Живите в верности и дружбе!

После чего, всё ещё не совсем веря в происходящее, вновь вошёл в ступор, а Бажен звучно продолжил:

— Молод ещё, вот и растерялся! Главное, что согласен! Готовься к пиру, Херсонес!

На его слова толпа одобрительно зашумела. Где-то весело запели люди, подхватывая старую свадебную песню, которую знали все от мала до велика. Дружинники заорали во всю мочь:

— Слава Князю! Слава Княжне!

И этот крик, подхваченный десятками голосов, покатился по пристани, взмыл над водой и улетел в сторону города, возвещая о том, что в Херсонесе сегодня будет праздник — такой, о котором будут рассказывать ещё долгие годы.

Глава 2

Весна восемьсот двадцать восьмого года в Херсонесе пришла не просто с теплом — она ворвалась в город вместе с бурным разливом вод, будто сама земля торопилась смыть с себя следы долгой, угрюмой зимы. Талая вода бежала по улицам, собираясь в быстрые ручьи, которые несли с собой прошлогодние листья, щепки и обрывки снастей, напоминая о том, как суровы бывают здешние холода. Воздух был густ от запаха сырой земли, прогретого камня и древесной смолы, а над Днепром висели лёгкие клочья тумана, медленно таявшие под лучами солнца.

Лишь только растаял зимний снег, а на тонких берёзах лопнули надувшиеся смолистые почки, выпустив на свет молодые, ярко-зелёные побеги, вместе с перелётными птицами на реке появились и первые плоты с лесом, сплавляемые черниговскими купцами. Огромные связки брёвен, скреплённые крепкими канатами, медленно плыли по течению, покачиваясь на волнах, словно неуклюжие звери, вышедшие на водопой. Купцы, стоя на плотках, кричали что-то вниз по реке, переговаривались с береговыми рабочими, размахивая руками и указывая на отмели, где можно было причалить.

Лес предназначался для строительства новых, крепких домов в городище и его пригороде — и этому несказанно обрадовались, в первую очередь, семьи кривичей, живших всю зиму в Херсонесе на постоянных дворах и просто у добрых людей. Для них эта весна означала не только тепло, но и надежду на собственный угол, на крышу над головой, которую они смогут назвать своей. С самого рассвета на строительной площадке закипела работа: разнося по округе звонкий стук топоров, визг пил и лязг металлических инструментов, плотники спорили, смеялись, ругались, подгоняя друг друга. Их голоса перекрывали даже пение весенних птиц, заглушая его вместе с гиканьем прожорливых чаек, круживших над окрестными просторами великого Днепра в ожидании лёгкой добычи.

Прибавилось забот и у князя. С самого рассвета до позднего вечера он мотался по Херсонесу, улаживая то и дело возникавшие среди купцов и строителей споры. То выяснялось, что лес привезли не той породы, то рабочие не могли поделить участок под застройку, то купцы требовали платы вперёд, грозясь увести плоты обратно. Бравлин выслушивал всех терпеливо, но твёрдо, не позволяя ни одной ссоре перерасти в открытую вражду. Он знал: если сейчас дать слабину, город захлебнётся в раздорах, и тогда ни о каком строительстве и речи быть не может.

Забывая на время о молодой жене, князь пропадал на улицах, в портах, на лесных складах, в кузницах, где ковали гвозди и скобы для будущих домов. Порой он возвращался домой уже в глубоких сумерках, когда над городом зажигались первые огни, а воздух становился прохладным и пах дымом очагов. В такие вечера Ярина не ждала его с упрёками. Она понимала настроение мужа без слов: знала, что на его плечах лежит тяжесть ответственности за весь город, за каждого человека, который верил ему и надеялся на его справедливость.

Когда Бравлин, появившись в конце дня дома, падал с усталости на семейные полаты прямо в одежде, тут же засыпая крепким молодецким сном, Ярина тихо подходила к нему, осторожно снимала тяжёлые сапоги, укрывала тонким покрывалом, чтобы он не замёрз, и садилась подле. Поглаживая кудри любимого человека, она что-то мило напевала ему, словно малому ребёнку, — старинную песню, которую, когда-то пела ей мать. В её голосе звучали и нежность, и тихая гордость за мужа, и лёгкая грусть от того, что он так редко бывает рядом.

Но так продолжалось недолго. В конце весны в Херсонес пожаловали гости от византийского императора. Их прибытие заметили сразу: на пристани появились люди в непривычных для местных глаз одеждах — в длинных плащах с тонкой вышивкой, в сапогах из мягкой кожи, с поясами, украшенными серебряными пряжками. Они держались особняком, не смешиваясь с толпой, и говорили между собой на гортанном, певучем языке, который здесь слышали редко.

Весть о прибытии послов быстро долетела до княжеских хором. Бравлин, только что вернувшийся с очередного спора о цене на доски, выслушал гонца, нахмурился, провёл ладонью по лицу, стряхивая усталость, и велел немедленно созывать совет из воевод.

В княжеской палате, где стены были увешаны щитами и мечами, а на полу лежали шкуры зверей, собрались самые верные и опытные люди: Велимир, суровый и молчаливый, с сединой в бороде; Бажен, всё такой же бойкий, с хитрым прищуром; и ещё несколько воевод, чьи имена знали в каждом углу города. Они расселись на лавках, поглядывая на князя, ожидая его слов.

Бравлин уселся в княжеское кресло, тяжёлое, резное, доставшееся ему от хазар, и, глядя прямо перед собой, коротко изложил суть дела. Император Михаил Второй, узнав о пленении своих послов под Новоградом, прислал к князю слуг с деловым предложением — хотя, по сути, это звучало больше, как требование. В послании, доставленном в богато украшенном ларце, византийский владыка в ультимативной форме потребовал у русичей освобождения Лактания и его окружения из заточения. Иначе, как говорилось в пергаменте, «возмездие последует незамедлительно» — и за этими словами слышалась угроза, тяжёлая и холодная, как сталь клинка.

Воеводы переглянулись. Кто-то тихо выругался сквозь зубы, кто-то сжал кулаки, а Бажен хмыкнул, будто услышал нелепую шутку. Но Бравлин не спешил с ответом. Он долго молчал, разглядывая узор на крышке ларца, словно в нём были скрыты тайные знаки, способные подсказать верное решение. Потом поднял глаза и обвёл взглядом собравшихся.

— Что скажете, братья? — спросил он негромко, но так, что в палате стало тихо, будто даже ветер за окнами перестал шуметь.

Велимир первым нарушил молчание:

— Византия сильна, князь. У них флот, у них золото, у них хитрые советники. Но и мы не слабы. Если дадим слабинку сейчас, завтра они потребуют ещё больше.

Бажен фыркнул:

— Да они всегда так: сначала подкупают, потом угрожают. Подкупили варягов, ставили добрых соседей на открытую вражду — а теперь хотят, чтобы мы по их свистку бежали освобождать их послов. Не бывает тому!

Остальные воеводы закивали, соглашаясь. И тогда Бравлин поднялся, выпрямился во весь рост, и голос его зазвучал твёрдо и громко, наполняя палату, словно раскат грома:

— Передайте императору, что русичам не впервой слышать угрозы со стороны соседей! — гордо воскликнул он.

Никто не смеет указывать русичам, кого и когда освободить. Византийцы поступили подло. Подкупив варягов, они ставили добрых соседей на открытую вражду. От добра, добра не ищут. Мы не из пугливых. Если император хочет войны с нами, мы готовы к ней. А ежели он желает жить в мире с нами, заниматься торговлей, то разумнее будет налаживать добрые отношения, чем грезить несбывшимися надеждами. Мы терпеливы, но всякому терпению приходит конец! Так и передайте своему господину!

Закончил свою речь князь, и в палате снова повисла тишина, тяжёлая, звенящая, словно воздух перед грозой. Послы Византии, стоявшие у дверей, побледнели. Они переглянулись, и в их взглядах читался не столько гнев, сколько страх — страх оказаться в подвалах Херсонеса, как и их предшественники.

Не проронив больше ни слова, они поспешно поклонились, развернулись и вышли, торопливо шагая по коридорам, будто за ними гнались волки. А когда за ними закрылись тяжёлые ворота, Бажен расхохотался, хлопнув себя по колену:

— Ну вот, князь, опять ты им показал, где раки зимуют!

Бравлин лишь устало улыбнулся, опустил обратно в кресло и провёл рукой по лицу, чувствуя, как на плечи снова ложится груз предстоящих испытаний. Он знал: этот разговор — лишь начало. Византия не привыкла отступать, и впереди их ждали новые испытания, новые битвы, новые решения, от которых зависела судьба Херсонеса и всех, кто жил под его стенами.

Глава 3

Солнце нещадно палило, находясь в зените, и его безжалостные лучи превращали каменные плиты Константинополя в раскалённые плиты, от которых даже воздух дрожал, будто плавился. Но император Михаил Второй не замечал этого зноя. Напротив, ему нравилось греть свои старые кости в лучах раскалённого солнца — словно тепло это возвращало ему хоть крупицу той силы, что с годами всё больше утекала сквозь пальцы, как песок сквозь решето.

Вот и сейчас, стоя за Медными воротами, ведущими из Священного дворца к Ипподрому, с высоты крепостных стен он любовался безбрежной гладью моря, раскинувшейся далеко за пределы горизонта. Синева сливалась с небом, и казалось, будто весь мир состоит из одного бесконечного сияния. Это место навевало на Михаила Второго приятные воспоминания о его бурной молодости, проведённой в бесконечных пиршествах, бесстыдных, развратных похождениях и безудержном чревоугодии на фоне безмерного богатства и непомерного расточительства.

Он мысленно возвращался к тем дням, когда между Халкой и Дафной размещалась столовая на девятнадцать лож, в которой и происходили официальные празднества. Он видел её перед собой так ясно, будто она и сейчас стояла там, живая и шумная: зал, разделённый на две части, освещённые сверху. Одна — для императора, другая — для приглашённых. Вторая часть вмещала до трёхсот гостей, которые в дни больших праздников пиршествовали лёжа, как-то было принято в античном мире.

Еду гостям подавали исключительно на золотой посуде, а фрукты — в таких тяжёлых золотых вазах, что переносить их слуги не могли, а просто передвигали на тележках. И каждый такой предмет был не просто утварью, а символом власти, знаком того, что Византия — центр мира, а император — его ось. Михаил помнил, как в те дни он смеялся громче всех, пил из кубков, украшенных драгоценными камнями, и чувствовал себя бессмертным. Теперь же смех его стал тише, а кубок — легче, будто даже золото потеряло свой вес.

В той части Большого дворца, которая называлась Дафной, располагалось множество церковных зданий и залы для официальных собраний. Здесь, среди мраморных колонн и фресок, изображавших святых и императоров, проходили важнейшие советы, здесь заключались союзы и рушились надежды. Сам Священный дворец с наружной стороны был выстроен из кирпича, вперемежку с полосами светлого мрамора, а все соединительные помещения дворца, притолоки окон и дверей, колонны и капители — из белесоватого мрамора, который в лучах солнца казался почти прозрачным, словно сотканным из света.

Вход в Священный дворец вёл через Медные ворота — массивные, тяжёлые, покрытые тонкой чеканкой, изображавшей сцены побед и триумфов. Сама резиденция византийских императоров, заключавшая в себе множество апартаментов и залов и соединённая несколькими зданиями с Ипподромом, находилась со стороны моря. В неё входили Жемчужный зал, Овальный зал, Зал Орла и многие другие — каждый со своей историей, своим духом, своей тайной.

— Феофил! — окликнул император негромко, зная, что позади него стоит в ожидании сын. Голос его прозвучал не как приказ, а как просьба, почти шёпот, в котором слышалась усталость.

— Я слушаю тебя, отец! — отозвался так же тихо наследник. В его голосе звучали и почтение, и нетерпение — он жаждал учиться, жаждал власти, жаждал доказать, что достоин трона.

Михаил, не поворачиваясь к нему, проговорил:

— Я чувствую, что конец мой близок!

Он замолчал, будто прислушиваясь к себе, к тому, как сердце бьётся всё медленнее, как дыхание становится тяжелее. Немного подумав, он продолжил:

— Оставляю тебе беспокойные времена. Варвары поднимают голову. Ты слышал ответ, что привезли наши люди от славян на мою просьбу освободить Лактания? Наш верный слуга до сих пор томится в тёмных подвалах Херсонеса. Они мнят себя равными нам. Эти рабы думают о себе слишком высоко. Их надобно вернуть с небес на грешную землю. Ты понимаешь меня?

— Да, отец! — на одном дыхании произнёс Феофил. Его глаза горели, в них читалась готовность действовать, броситься в бой, доказать свою преданность.

На что император вымолвил:

— И как ты мыслишь это сделать?

— Я думаю, что теперь наступило время послать в Тавриду легион! — незамедлительно послышался голос отрока. Слова его прозвучали твёрдо, звонко, как удар меча о щит.

Но Михаил строго оборвал его:

— Глупец! Зачем обременять себя ещё одной войной, когда у тебя есть золото?

Император наконец-то повернулся лицом к сыну. Лицо его было морщинистым, но глаза оставались острыми, пронзительными, способными видеть не только то, что лежало на поверхности, но и то, что пряталось в глубине души.

— Ты будущий владыка, которому нельзя, словно простому купцу или гончару, поддаваться чувствам. Будь то ненависть, ярость или любовь. Император выше этого. Он наместник Бога на земле. Его подданные должны это видеть в нём. Хитрость и лесть — вот твоё главное оружие. Но их я не обнаружил в твоём ответе.

Михаил замолчал. Боясь проронить неверное слово, молчал и его сын. В воздухе повисла тишина, тяжёлая и густая, словно перед грозой.

— Нужно заставить русичей согласиться на наши условия, — прервав молчание, снова заговорил император. Его голос звучал теперь не как крик, а как шёпот змеи, тихий, но опасный.

— Этого можно добиться, если мы не дадим свободно торговать их купцам с причерноморскими государствами. Заперев караваны с товарами на Дону и Днепре. Для этого нужно дать корсарам на море большие полномочия. Я уже распорядился об этом!

— Отец, я восхищён твоей прозорливостью! — воскликнул Феофил, восторженно посмотрев на отца. В его взгляде читалось не только восхищение, но и надежда — надежда на то, что он когда-нибудь сможет мыслить так же холодно, так же расчётливо, так же мудро.

На что тот, слегка улыбнувшись — едва заметно, будто не хотел выдавать свою гордость, — проговорил:

— Вот этому я и хочу научить тебя, сын мой!

И снова повернулся к морю, к бескрайней синеве, которая, казалось, знала все тайны мира и хранила их в своих глубинах. А Феофил остался стоять позади, впитывая каждое слово, каждый жест, каждую тень на лице отца, чтобы однажды самому стать тем, кто будет смотреть с высоты стен на мир и решать его судьбу.

Глава 4

С середины лета восемьсот двадцать восьмого года для купеческих судов русичей настали по-настоящему тяжёлые времена. Чёрное море, прежде казавшееся просторным и свободным, теперь таило в себе смертельную угрозу. Корсары, словно хищные птицы, кружили у берегов, не щадя никого: они не только нападали на одинокие струги в открытом море, но и дерзко вторгались в дельты Днепра и Дона — туда, где купцы чувствовали себя в относительной безопасности.

Их тактика была безжалостной и отточенной: лёгкие, быстрые суда под чужими стягами внезапно выныривали из тумана или из-за песчаных кос, обрушиваясь на купеческие караваны. За считанные мгновения палубы покрывались кровью, товары исчезали, а уцелевших моряков либо бросали на пустынных берегах, либо уводили в плен. Слухи о таких нападениях летели быстрее ветра, и вскоре в Херсонесе не осталось ни одного купца, который не знал бы о творящемся беспределе.

Купцы начали массово жаловаться Бравлину. Они приходили к нему в княжеские палаты целыми делегациями: бородатые, суровые мужчины в промасленных плащах, с мозолистыми руками и усталыми, полными горечи глазами. Каждый из них рассказывал свою историю — о потерянном грузе, о погибших товарищах, о разорённых семьях. Их голоса сливались в единый горький хор, и Бравлин слушал каждого, не перебивая, лишь крепче сжимал пальцы на подлокотниках кресла, чувствуя, как внутри закипает гнев, смешанный с тяжёлой ответственностью.

У князя не осталось выбора: чтобы хоть как-то защитить торговлю, он распорядился за счёт просителей выделить охрану для купеческих стругов. Дружинники, привыкшие к дальним походам и жестоким схваткам, теперь должны были сопровождать торговые суда, превращаясь в своеобразных стражей торговых путей. Это решение далось Бравлину нелегко: он понимал, что оттягивает силы от других важных дел, но знал и другое — если рухнет торговля, пострадает весь город.

К тому же купцы, опасаясь выходить в открытое Чёрное море, стали искать более безопасные маршруты. Теперь они предпочитали держаться ближе к берегу, ведя торговлю вдоль побережья Тавриды, Булгар и Балканского полуострова. Путь становился длиннее, грузы приходилось перегружать, а расходы росли, но это было лучше, чем рисковать жизнью и товаром.

Однако в этой череде неудач был и положительный фактор, который очень обрадовал Бравлина. Узнав о пиратских нападениях на свои корабли, на помощь воеводе Святобору, охранявшему поволоку между Доном и Волгой, пришли дружины русичей из Муром и Суздали. Это были опытные воины, привыкшие к суровым условиям и долгим переходам. Их появление стало не просто подмогой — оно означало, что русские земли готовы стоять друг за друга, что сила их — в единстве.

О прибытии подкреплений Святобор своевременно известил князя в Херсонесе. Гонцы мчались днями и ночами, меняя коней на постоянных дворах, чтобы как можно скорее донести весть. Когда Бравлин прочёл грамоту, его лицо, долгое время хранившее суровое выражение, на мгновение озарилось облегчённой улыбкой. Он понял: теперь у них есть шанс не просто защищаться, но и перехватить инициативу.

Потому к осени восемьсот двадцать девятого года безопасность торговли между русскими купцами и странами причерноморского бассейна Бравлину вновь удалось стабилизировать. На самых опасных участках были выставлены заставы, патрули регулярно обходили берега, а слухи о том, что теперь купеческие караваны идут под надёжной охраной, постепенно дошли и до корсаров. Некоторые из них предпочли искать более лёгкую добычу, другие же, дерзкие и упрямые, заплатили за свою наглость.

К тому же в начале октября этого же года из Константинополя пришли известия о кончине императора Михаила Второго. Весть эта пронеслась по Херсонесу, словно холодный осенний ветер, заставляя людей переглядываться и шептаться: что теперь будет? Кто станет новым владыкой Византийской империи? И как это скажется на их жизни?

Новым владыкой Византии стал его сын Феофил. И, к удивлению, многих, молодой император, не желая обострять конфликт с русичами, прислал через послов князю в Херсонес дорогие подарки — золотые чаши, расшитые шёлковые ткани, драгоценные камни в изящных оправах. В этом жесте читалось не столько великодушие, сколько расчёт: Феофил хотел показать, что готов к миру, что не стремится к войне, которая могла бы истощить обе стороны.

Бравлин окружил послов вниманием и почётом. Он не хотел выглядеть ни слишком жёстким, ни излишне доверчивым. В большой светлице, где стены были украшены резными панелями, а на лавках лежали мягкие медвежьи шкуры, он принял заморских гостей с достоинством, подобающим князю. Стол ломился от угощений: жареный кабан, пироги с рыбой, мёд и квас — всё самое лучшее, что мог предложить Херсонес. Но за внешней пышностью скрывался холодный расчёт: Бравлин хотел, чтобы послы увезли с собой не только дары, но и чёткое понимание: русичи сильны, самостоятельны и не потерпят давления.

Когда формальности были соблюдены, князь, глядя прямо в глаза послам, недвусмысленно дал понять им о том, что с близкими соседями нужно дружить, а не воевать.

— Я рад, что император Византии сделал правильные выводы, — заговорил Бравлин, и голос его звучал ровно, без лишней резкости, но в нём чувствовалась твёрдость, которую невозможно было не заметить.

— Мы не желаем воевать с Византией, о том говорят наши дела. Мы хотим торговать, обмениваться товарами, узнавать друг о друге. Но мы не позволим никому ставить нас на колени.

Повернувшись к воеводе Велимиру, он вымолвил:

— Приведите сюда Лактания и его сподручных.

На его слова тотчас в зал доставили пленных римлян. Их освободили от висевших по рукам и ногам цепей, и металл с глухим лязгом упал на каменные плиты пола. Пленные, ещё не веря в происходящее, потирали покрасневшие запястья, переглядывались, пытаясь прочесть в лицах русичей хоть намёк на то, что ждёт их дальше. Они низко поклонились князю, и тот, выдержав небольшую паузу, произнёс:

— В знак вечного мира между русичами и Византийской империей мы даруем вам свободу. Пусть это будет не просто жестом, а доказательством того, что мы умеем быть не только сильными, но и великодушными.

Послы в знак согласия закивали головами, обещая передать слова князя императору. Они пятясь задом, удалились, стараясь не поворачиваться спиной к князю — так, как того требовал византийский этикет, смешанный здесь с осторожностью перед грозным северным правителем.

После того как двери за ними закрылись, Велимир, приблизившись к Бравлину, тихо спросил:

— Ты веришь им?

Князь помолчал, задумчиво провёл ладонью по бороде, будто взвешивая каждое слово, и коротко ответил:

— Нет!

В этом одном слове прозвучало всё: и память о коварстве византийцев, и горький опыт прошлых лет, и понимание того, что дипломатия — это всегда игра, где каждый ход нужно просчитывать наперёд.

— Но лучше плохой мир, чем малая война, — добавил он чуть тише, и в его голосе слышалась не слабость, а мудрость правителя, который знает: иногда сила проявляется не в ударе меча, а в умении удержать этот меч в ножнах.

Глава 5

Однако Бравлин ошибся, надеясь на миролюбие нового императора Византии. Его вера в то, что смена власти принесёт передышку и возможность выстроить честные торговые отношения, оказалась наивной — и эта наивность могла дорого обойтись и ему, и всему Херсонесу.

Лишь только Лактаний, едва ступив на мраморные плиты Золотой палаты тронного зала Константинополя, оказался подле нового владыки, как Феофил заявил во всеуслышание, подняв руку так, чтобы каждый в зале мог видеть его перстень с печатью — знак власти, который он теперь носил с особой гордостью:

— Мы отомстим русичам за пленение наших послов, не пройдёт и года! Я не намерен прощать варваров за недостойное отношение к Византии. Их удел — коленопреклонение. Вскоре они почувствуют мою месть. Клянусь памятью моего отца!

Слова эти прозвучали не как угроза, брошенная в гневе, а как клятва, произнесённая перед лицом Бога и всех придворных. В зале повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь шорохом шёлковых одежд да редким звяканьем золотых украшений. Придворные переглядывались, кто-то едва заметно кивал, одобряя решимость молодого императора, кто-то отводил взгляд, предчувствуя беду. Лактаний же, стоя подле трона, лишь стиснул зубы, понимая, что мир, о котором он мечтал, рассыпался в прах, едва успев родиться.

Так и случилось. Весной следующего года, как только в степи растаял снег и земля, пропитанная талой водой, начала понемногу подсыхать, князь, всё ещё надеясь договориться с Византией о безопасной торговле, собрал к императору посольство. Он хотел показать, что готов идти на уступки, что ценит мир больше славы, что интересы его народа — в процветании, а не в бесконечных распрях.

В посольство вошли его доверенные люди, из числа самых близких и проверенных. В него вошёл соратник Бравлина по войне с хазарами — Бажен, человек прямой, резкий, но бесконечно преданный князю, знавший цену и слову, и мечу. Начальник личной охраны — Никодим, молчаливый и внимательный, с глазами, которые ничего не упускали, и руками, привыкшими к рукояти меча. И родной брат жены — Далимысл, богатырь радимичский, в чьих жилах текла кровь воинов, а в сердце жила память о чести рода.

В середине мая восемьсот тридцатого года посольство русичей, в сопровождении двух десятков дружинников — самых опытных и стойких воинов, сев на струги, вышло из устья Днепра в бескрайние просторы Чёрного моря. Волны, ещё холодные от недавней зимы, бились о борта ладей, а ветер, пахнувший солью и дальними землями, раздувал паруса. Путь был неблизким, и каждый день в дороге заставлял послов всё чаще переглядываться, задавая друг другу немые вопросы: что ждёт их в Константинополе? Услышат ли их? Или слова их разобьются о гордыню византийского двора, как волны о скалы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.